

УДК 81'22

ЗВУКОПОДРАЖАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

А. С. АСКАРИ

(Белорусский государственный университет, Минск)

aryan_askary@yahoo.com

В статье предпринимается попытка определить место звукоподражаний в семиологической типологизации, разработанной советским и белорусским лингвистом В.В. Мартыновым, рассматриваются сигналы-индексы, иконические сигналы и знаки. Устанавливаются переходные этапы семиозиса с учетом данных о вокальной мимикрии у высших животных и роли звукоподражаний в первобытных и традиционных обществах. На основании результатов исследований Г.Е. Корнилова, М.В. Беляева, А.Н. Гордея изучается процесс затемнения мотивации знаков и их денатурализация.

Ключевые слова: семиологическая типологизация, иконичность, звукоподражание, переходные этапы семиозиса, В.В. Мартынов.

Введение. Развитие знаковой теории языка связано с именами многих выдающихся ученых, таких как Ф. де Соссюр, Ч. С. Пирс, Ч. У. Моррис, Ч. К. Огден, А. А. Ричардс, Э. Бенвенист, Л. Ельмслев, Л. Х. Прието. Особое чувство гордости за отечественную науку вызывает тот факт, что в одном ряду с ними стоит советский и белорусский лингвист В.В. Мартынов (1924–2013), создатель Универсального семантического кода, чей талант нашел свое отражение в разных отраслях научного знания, в том числе и в семантике и семиологии.

В. В. Мартынов сумел решить весьма важную задачу: на основании трех критериев (информативности, коммуникативности и номинативности) выделить три типа семиологических объектов (симптомы, сигналы и знаки). Предложенная ученым типологизация поспособствовала переосмыслению не только семиозиса, но и некоторых аспектов глоттогенеза. В частности, данный подход позволил по-новому взглянуть на реликты предыдущих этапов развития языка: междометия и звукоподражания.

Цель статьи – установить место звукоподражаний в семиологической типологизации, предложенной В.В. Мартыновым и нашедшей свое развитие в комбинаторной семантике А.Н. Гордея.

Основная часть. 1. Исходные положения. В настоящее время существует несколько подходов к толкованию термина *знак*. А.А. Уфимцева, автор статьи «Знак языковой» в Лингвистическом энциклопедическом словаре (далее – ЛЭС), дает следующее определение: *языковой знак* – это «материально-идеальное образование (двусторонняя *единица языка*), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности», представляющее собой «единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего)» [1, с. 167]. Лингвист указывает, что из знаков формируется язык как особая знаковая система [1, с. 167]. Недостаток данного определения мы видим в сведении «означающего» к цепочкам фонематически расчлененных звуков. Дефиниция является слишком узкой, поскольку исключает оптические знаки, например, иероглифы [2].

В связи с этим обратимся к идее, высказанной В. Скаличкой, который заметил неслучайное сходство между римскими цифрами I, II, III, китайскими иероглифами 一, 二, 三 с тем же значением и жестами в языке глухонемых, где для обозначения цифры 1 используется один палец, для цифр 2 и 3 – два и три пальца соответственно [3, с. 280]. Автор говорит о том, что язык слов представляет собой акустическую систему, в отличие от языка жестов или знаков, оптических по своей природе, и приходит к следующему важному выводу: «Понятие звукоподражательности основано на воображаемой или реальной близости означающего и означаемого элементов. Пример оптических систем указывает нам путь, по которому надо следовать, чтобы отыскать звукоподражания в языке. Означающий элемент здесь, по-видимому, будет иметь свойства, соотносительные с означаемым» [3, с. 280].

Н.Б. Мечковская под *знаком* понимает «материальный, чувственно воспринимаемый предмет (вещь, явление, действие, признак), выступающий в качестве представителя (заместителя, репрезентанта) другого предмета, свойства или отношения и используемый для получения, хранения, переработки и передачи информации» [4, с. 23]. Автор указывает на две стороны знака: материальную (означающее, или план выражения) и идеальную (значение знака, или содержание, т.е. означаемое, или план содержания) [4, с. 23]. Достоинством данного определения мы считаем более широкое понимание плана выражения знака, не сводимое только к акустической составляющей.

В комбинаторной семантике А.Н. Гордея *знак* определяется как «двуаспектная единица, имеющая в аспекте выражения комбинацию фигур, а в аспекте содержания – стереотип»; под *фигурой* понимается «абстрактный акустический образ звуков (фонема), а также абстрактный оптический образ черт (графе-

ма) или жестов (кинема), обладающих сходными акустическими или оптическими признаками» [2]. *Стереотип* определяется как «закодированный интеллект повторяющийся элемент в копии мира, т.е. отображении мира органами чувств» [2]. В качестве отправного пункта нашего исследования выбрано определение по А.Н. Гордею, поскольку в этом определении прямо говорится об акустической и оптической составляющих выражения знака.

Рассмотрим типологию знаков, предложенную Ч. С. Пирсом: 1) подобия, или иконы («выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи, просто имитируя их»); 2) указатели, или индексы («говорят что-то о вещах, потому что физически связаны с ними»); 3) символы, или общие знаки («ассоциируется с их значениями благодаря привычке») [5, с. 89]. Следовательно, в семиотике выделяют индексы (связь плана выражения и плана содержания на основе естественной смежности), иконы (связь мотивирована сходством) и символы (первичная мотивированность отсутствует) [4, с. 130–131]. С точки зрения типологии Ч. С. Пирса, большинство языковых знаков являются символами, но есть также индексы и иконы, представленные, например, междометиями и звукоподражаниями. Как справедливо отмечает Н.Б. Мечковская, «три названных типа элементарных знаков соответствуют трём ступеням семиозиса» [4, с. 131].

В ЛЭС нет специальной статьи, посвященной семиозису, однако он упоминается в статье А.А. Уфимцевой «Знаковые теории языка», где поясняется как «процесс порождения знака» [6, с. 168]. Далее лингвист пишет о взглядах Э. Бенвениста, который «разграничил два разных, но взаимообусловленных этапа языкового семиозиса» [6, с. 168], отмечая, в частности, что язык – это система, обладающая свойством двойного означивания: семиотического (опознавание знака человеком) и семантического (понимание речи как совокупности знаков, а не как комбинации отдельных единиц) [7, с. 87–88]. В работе «Семиотика. Объяснительный словарь» А. Ж. Греймас и Ж. Курте трактуют семиозис как операцию, которая «производит знаки» через установление отношения «взаимной пресуппозиции между формой выражения и формой содержания», и замечают, что «всякий акт языка подразумевает семиозис» [8, с. 526]. В «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева семиозис определяется как «процесс знакового обозначения мира понятий и вещей – в становлении, развитии и функционировании; процесс, в котором нечто функционирует как знак, т.е. некое А интерпретируется неким В как представляющее С» [9, с. 102]. Н.Б. Мечковская под термином *семиозис* понимает «процесс означивания и возникновения в сознании знака и знаковых отношений между явлениями действительности, его отображением в сознании и формой знака» [4, с. 131–132].

Вопросы семиозиса занимают особое место в работах В.В. Мартынова. По мнению ученого, семиотика призвана исследовать исключительно объекты, несущие коммуникативную функцию [10, с. 164–165]. Именно информативность является критерием, дающим возможность разграничить семиотические и несемиотические объекты. Ученый также учитывает такие критерии, как коммуникативность и номинативность, что позволяет ему выделить три типа семиологических объектов (таблица 1) [10, с. 166].

Таблица 1. – Типы семиологических объектов

	Информативность	Коммуникативность	Номинативность
Симптом	+	-	-
Сигнал	+	+	-
Знак	+	+	+

Лингвист указывает на прогрессивное развитие информационного потока, отмечая, что оно начинается с информативности как минимума коммуникации. Далее следует этап коммуникативности, для которого характерно наличие коммуникации, а затем – этап номинативности, со свойственной ему максимальной коммуникацией. Несмотря на информативность, симптомы, в отличие от сигналов и знаков, лишены коммуникативной функции. Сигналы ученый определяет как «единицы, отображающие представление в целом, а знаки – как единицы, отображающие повторяющиеся элементы представлений» [10, с. 165].

По мнению В.В. Мартынова, «системами сигналов являются коммуникативные средства животных и ситуационно ограниченные специализированные коммуникативные средства человека» [10, с. 165]. Сигналы сохраняются в виде реликтов в преимущественно знаковых естественных языках. По мере нарастания коммуникативной составляющей возникают сигналы-индексы, основывающиеся на смежности, и иконические сигналы, основывающиеся на сходстве (термины В.В. Мартынова) [10, с. 166]. Лингвист отмечает, что «язык возникает тогда, когда система сигналов преобразуется в систему знаков, т.е. когда отображенными оказываются повторяющиеся элементы представлений (ситуаций) и, следовательно, ситуационная ограниченность снимается» [10, с. 165]. Ученый обращает внимание на то, что «выделение повторяющихся элементов представлений само по себе, вне знаковой системы, невозможно», иллюстрируя тезис примером: можно представить небо ясное или хмурое, но нельзя представить небо вообще [10, с. 165].

Предложенные В.В. Мартыновым типы семиологических объектов можно рассматривать в качестве этапов семиозиса. Учитывая вышеупомянутый тезис о том, что в языке сохраняется наследие сиг-

нальной системы, характерной для животных, мы считаем, что к таким реликтам относятся междометия и звукоподражания. В связи с этим обратимся к идеям Фердинанда де Соссюра. Его постулат о произвольности языкового знака действительно может быть применен к большинству семиологических объектов, являющихся на данном этапе развития языка произвольными символами в терминах Ч. Пирса. В то же время Ф. де Соссюр исключает из рассмотрения мотивированные по своей природе звукоподражания и междометия, считая, что «звукоподражания не являются органическими элементами в системе языка», и далее отмечая, что «звукоподражания и междометия занимают в языке второстепенное место» [11, с. 102]. Вместе с тем, ученый указывает, что они «утратили нечто из своего первоначального характера и приобрели свойство языкового знака вообще», и признает, что «их символическое происхождение отчасти спорно» [11, с. 102].

Рассуждая об относительной произвольности звукоподражаний и междометий, Ф. де Соссюр, на наш взгляд, имел в виду то, что со временем их мотивированная природа «маскируется» или утрачивается. Однако такая трактовка взглядов ученого не получила широкого распространения, поскольку некоторые его последователи стали рассматривать звукоподражания как изначально произвольные знаки-символы. В данном случае мы солидарны с мнением профессора А.П. Журавлева, который считает, что идея произвольности представляется удобной для описания системы языковых знаков, однако «речь идет не о выборе удобного способа описания, а об установлении характера отношений между содержанием и формой знака» [12, с. 148]. Р.О. Якобсон также обратил внимание научного сообщества на проблему иконичности в языке: «Любая попытка рассматривать языковые знаки как всецело конвенциональные “произвольные символы” ведет к неадекватному положению вещей. Иконичность играет существенную и необходимую, хотя и явно подчиненную, роль на разных уровнях языковой структуры» [13, с. 323]. Э. Бенвенист, комментируя высказывания Ф. де Соссюра о звукоподражаниях и междометиях, справедливо отмечает, что произвольность знака не является абсолютной, поскольку «здесь произвольность существует лишь по отношению к объекту или явлению материального мира и не является фактором во внутреннем устройстве знака» [7, с. 94].

Мотивированность проявляется в намерении создать из звуков, имеющихся в арсенале языка древнего человека, наиболее точное соответствие звуку окружающего мира. Следовательно, это не та первичная немотивированная произвольность языкового знака, о которой писал Ф. де Соссюр. Это относительная произвольность иного, мотивированного рода. Как следствие, в разных языках звукоподражания часто звучат по-разному. Критики звукоподражательной теории происхождения языка выдвигают этот факт в качестве одного из первых аргументов «против», забывая, что язык – система динамическая. Древние, первичные звукоподражания просто могли не дойти до нас или изменились, не сохранив первоначального вида, и перешли в статус знаков-символов, окончательно утратив мотивировку. Вместе с тем, сходный характер образования и использования звукоподражаний во многих языках свидетельствует о древности данного явления. Язык изменяется, изменяется его фонетическая и фонологическая система, следовательно, изменяются и те ограничения, которые оказывают влияние на появление новых единиц иконического происхождения. Это приводит к различиям в акустической оболочке звукоподражания, но сама его суть, сам его механизм не изменяется. Можно в качестве аргумента против звукоподражательной теории говорить о том, что собачий лай в разных языках звучит по-разному (в русском – *гав-гав*, в корейском – *멍멍* [мэнь-мэнь] и *왈왈* [вал'-вал'], в персидском – *واق واق* [vāgh-vāgh], *وق وق* [vagh-vagh] и *هاب هاب* [hāp-hāp]), поэтому никакой мотивированности не существует. Но при этом нельзя не обращать внимания на весьма очевидный факт: механизм формирования этих звукоподражаний идентичен, в основе их образования лежит один и тот же звук (или его ситуативные варианты, например, агрессивный/неагрессивный лай взрослой собаки/щенка), просто он пропущен через разные фонологические системы, не совпадающие между собой. Так, например, в современном корейском языке нет звука [в], он заменяется в словах звуками [п/б] или [м]. Следовательно, звукоподражания относительно произвольны, но мотивированы.

Таким образом, переход от одного типа семиологических объектов к другому представляет собой сложный непрерывный процесс семиозиса, связанный, в том числе, и с проблемой утраты мотивированности по мере нарастания коммуникативного эффекта. Поскольку данный процесс не дискретен, во-первых, следует рассмотреть факты, связанные с языком животных, языками традиционных культур и детской речью, ведь они, как отмечает А.Н. Гордей, «свидетельствуют о том, что язык, вероятно, возник из звуковых симптомов ..., а прерогатива в обслуживании акта коммуникации древних людей принадлежит междометию» [14, с. 37]. Во-вторых, необходимо дать характеристику переходным этапам семиозиса.

2. Данные биоакустики, антропологии и онтолингвистики. Язык высших животных представляет собой интерес, поскольку может считаться отправной точкой, с которой начался глоттогенез. Как справедливо указывает В.П. Морозов, «язык животных – сложное понятие и не ограничивается только звуковым каналом связи» [15, с. 13]. Он включает в себя разнообразные телодвижения и позы, оскалы и жесты, запахи и звуки. Однако нас интересует именно его акустическая составляющая, поскольку в

отличие от остальных проявлений языка животных, она не требует зрительного контакта для осуществления коммуникации [15, с. 13–15]. В.П. Морозов опирается на мнение академика Л. А. Орбели, который обращал внимание на то, что при переходе от первой сигнальной системы ко второй, отличающейся способностью к абстрактному мышлению и речи, должны были быть промежуточные этапы, так как она (вторая сигнальная система) не могла возникнуть спонтанно [15, с. 191]. Советский и российский приматолог Л.А. Фирсов считал, что подобной промежуточной стадией является этап «довербальных понятий», наблюдаемый у высших обезьян (шимпанзе). Он проявляется в способности решать ряд сложных интеллектуальных задач: распознавать объекты, добывать пищу, общаться [15, с. 191]. В контексте изучения звукоподражаний весьма интересной представляется способность к *вокальной мимикрии*, свойственной многим высшим животным. На наш взгляд, именно она может считаться предпосылкой к появлению звукоподражаний в языке людей.

Многочисленные описания случаев вокальной мимикрии мы находим в работе В.П. Морозова. Автор приводит сведения о способностях к имитации звуков у дельфинов, которые могут копировать слова и фразы человеческой речи [15, с. 120]. Ярким примером является тюлень Гувер (1971?–1985, США, Бостон), который мог имитировать ограниченное число слов и выражений, например, «How do you do?» («Как поживаете?») [15, с. 17]. Способностью к артикуляции человеческого типа обладают некоторые виды птиц [16, с. 29], часто в раннем возрасте [15, с. 83]. Специалисты особо отмечают «успехи» попугаев и пересмешников [15, с. 82–89; 16, с. 29]. У последних способность к имитации сохраняется на протяжении всей жизни. Несмотря на то, что они обладают характерной для своего вида песней, эти птицы вплетают в неё и звук, которые слышат вокруг, и фрагменты чужих песен [15, с. 83]. В.П. Морозов приводит такой пример: «Утром рыбаков разбудили звуки сорочьего стрекотания и тьявканья лисицы. Оказывается, рыбу клевала сорока и при этом иногда тьякала по-лисьи, очевидно, пытаясь отпугнуть таким способом конкурентов» [15, с. 83].

Учитывая всё вышесказанное, небезосновательной представляется позиция Г.Е. Корнилова, который указывает на неправомочность суждений А.Г. Спиркина о том, что древний человек обладал более развитыми способностями к подражанию, чем другие животные, в частности обезьяны, и аргументирует свою позицию тем, что у обезьян в коллективе-стаде количество сигналов превышает 100 единиц, при этом шимпанзе могут усвоить до 140 жестов [17, с. 52]. В то же время, если отобрать из бесписьменных языков «общие для всех народов понятия, не связанные с позднечеловеческой наукой, культурой, историей и т.п., то их количество не превысит даже двух сотен» [17, с. 52]. Весьма точным является замечание автора о том, что «способность к механическому звукоподражанию свойственна животному миру вообще и любое такое подражание первоначально лишено основных качеств человеческой речи, хотя несомненно и является материальной предпосылкой появления будущих единиц языка» [17, с. 52]. Н.И. Жинкин также указывает, что гамадрилы могут имитировать произнесенные людьми звуки, при этом в их «арсенале» насчитывается от 18 до 40 вариантов звуковых сигналов, свидетельствующих об изменении предметной ситуации [18, с. 37].

Исходя из рассмотренных фактов, можно сделать вывод о том, что между вокальной мимикрией в языке животных и появлением звукоподражаний в речи людей действительно существует преемственность. В поддержку этой идеи высказывались Н.И. Ашмарин [19], А.С. Спиркин [20], А.М. Газов-Гинзберг [21], Г.Е. Корнилов [17] и др. В частности, А.М. Газов-Гинзберг и Г.Е. Корнилов считали весьма убедительной следующую идею А.С. Спиркина, с которой мы также согласны: «Унаследованные от животных предков звуки и послужили основным материалом, или биологической предпосылкой, формирования звуковой речи человека. Призная генетическую связь между человеком и животными, мы вообще не можем себе представить иного источника звукового материала языка. Вторым, дополнительным источником возникновения звукового материала для формирования и дальнейшего развития речи послужили многочисленные звуки других животных, а также звуки природы» [20, с. 27]. Третьим источником развития звукового материала речи автор считает разнообразные изменения звуков, при этом отмечая, что последний является следствием двух первых [20, с. 27]. Таким образом, язык животных и их способность к вокальной мимикрии стала одной из предпосылок к формированию человеческого языка у наших далеких предков.

Видимо посредством вокальной мимикрии у древнего человека выработалась способность к установлению сходства между звуками, которые он сам мог издавать, и звуками действительности. С помощью имитации древний человек вступал в контакт с окружающим миром, пытался осуществить коммуникативный акт, отражение чего мы видим в сакральном смысле звукоподражаний для первобытных обществ и традиционных культур, что отмечают многие исследователи. Этот вопрос затрагивает А.И. Германович в своей докторской диссертации «Междометия и звукоподражательные слова русского языка» [22]. Автор ссылается на немецкого историка Карла Бюхера (1847–1930), который отмечал магический, заклинательный характер женских трудовых песен и первобытной поэзии, апеллируя при этом к наблюдениям французского филолога Андре Мазона (1881–1967), видевшего, как индианка во время

изготовления глиняного горшка «всё время голосом подражала звону хорошо обожженной посуды, чтобы сосуд её удался и не треснул при обжиге» [22, с. 49–50]. А.Н. Германович также приводит данные этнографов о женщинах индейского народа Зуни, поющих для стимуляции роста бобов и дынь песни, подражающие скрипу мельничного жернова [22, с. 50]. Автор ссылается и на исследования русского фольклориста А.Н. Афанасьева, который отмечал языческий характер обрядовых подражаний и звукоподражаний у славян, например, в обряде гадания по крику ворон «воронограй» [22, с. 50].

В статье «О статусе звукоизобразительных слов в языке» лингвиста Живки Колеввой-Златевой представлен обзор работ ряда западных исследователей [23, с. 40–41]. Американский языковед Дженис Наколлс утверждает, что в примитивном обществе звуку приписывается сверхъестественная сила, в основе которой лежит убеждение о существовании взаимосвязи между движением, дыханием и речью. Он отмечает, что звук, по мнению членов подобных социумов, позволяет слиться с природой и окружающим миром, призывать добрые силы и изгонять злые, восстанавливать порядок и гармонию [24, с. 226–228]. Немецкий языковед Криста Килиан-Хатц, занимавшаяся изучением языка кхое (Намибия), пишет о его носителях следующее: «Звуки и шумы природы окружающего мира воспринимаются в явной антропоморфической перспективе, как «высказывания» и «цитаты» животных и объектов мира» [25, с. 162].

Фольклорист А.Н. Варламов приводит факты использования звукоподражаний в разных сферах жизни эвенков: во время охоты (звукоподражания играют роль «звукового капкана»), в оленеводстве (для перемещения стада и управления его психологическим состоянием), в фольклоре (звукоподражательные запевы) [26, с. 292–294]. Ученый сравнивает русское *гав-гав* с аналогами из языков эвенков (*нёнг-нёнг*) и якутов (*хунг-хунг*) и указывает, что особенности определенного языка обуславливают различия в восприятии и воспроизведении звуков, однако не менее значимым фактором являются культурные различия, в частности, социально-экономическая среда: русские и якуты чаще используют собаку для охраны подворья, а эвенки – для охоты, что находит отражение в звукоподражаниях в каждом из языков. В русском и якутском языках фиксируется «издаваемый собакой-сторожем лай на подворье», а в эвенском – «голос лающей на зверя собаки, слышный вдали» во время охоты, так как «в среде эвенков собаки редко лают вблизи жилища» [26, с. 290]. Вместе с тем, несмотря на культурные различия, якуты и эвенки используют практически идентичное звукоподражание хрусту снега (якутск. *хычир-хычир*, эвенкийск. *кочир-кочир*) [26, с. 290–291].

В связи с этим отметим, что канадский философ и филолог М. Мак-Люэн выделил три этапа развития цивилизации с точки зрения характера коммуникации: дописьменный, письменный и современный («глобальная деревня» с электронными средствами коммуникации) [27, с. 32–33]. Первый этап – это первобытная дописьменная «культура уха» (термин М. Мак-Люэна), восприятие и понимание мира в которой осуществляется с помощью устных средств: «Общеизвестно, что цивилизованные люди отличаются неразвитостью и грубостью чувственного восприятия, по сравнению со сверхчувствительностью представителей устных культур. Ибо глазу в смысле тонкости далеко до уха» [27, с. 41]. Автор поясняет это появлением фонетического алфавита, который «приводит к разрыву между глазом и ухом, между семантическим значением и визуальным кодом, и поэтому только фонетическое письмо создает условия для перехода человека из племенного мира в цивилизованный, дарит ему глаз вместо уха» [27, с. 40].

Факты детской речи также свидетельствуют о том, что с распадом звукового сигнала (звукоподражания или междометия) на обозначения индивида и его признака начинается долгий процесс формирования знаков. Прежде чем распасться на субъект и акцию, слова-предложения проходят через этап переносов по сходству и смежности. Приведем важное замечание А.Г. Спиркина по данной проблеме: «Следует иметь в виду и то обстоятельство, что слова современного языка отстоят от своей колыбели на сотни тысяч лет, претерпев на своем долгом пути несметное количество переносов с одного предмета на другой ... и было бы просто чудом, если бы в зрелом облике большинства звукоподражательных слов мы могли узнать природную наивность раннего детства» [20, с. 31]. Далее автор приводит наблюдение Ч. Дарвина своего внука. Когда ребенок начал говорить, он называл утку словом *квак* (видимо, пытаясь подражать кряканью – А.А.). В силу специальной ассоциации ребенок стал так обозначать и воду, затем – всех птиц и насекомых, а также все жидкие вещества. Наконец, он начал называть так все монеты, поскольку однажды на одной из них увидел изображение орла [20, с. 31–32].

Проанализируем наблюдение Ч. Дарвина. Перейдя от первичных междометных выкриков и междометий к этапу звукоподражаний, ребенок начал использовать иконический сигнал для обозначения утки. Его акустическая оболочка мотивирована звучанием утино кряканья, но при этом относительно произвольна, так как является не имитацией, а семиологическим объектом, сформировавшимся с учетом фонетической системы родного языка. Далее у ребенка происходит процесс активного познания мира, формируются новые стереотипы в модели мира, для которых ребенок ищет новые обозначения, но сталкивается с фундаментальной проблемой: возможности языка (особенно языка детей) ограничены и не позволяют обозначить все явления действительности. Ребенок находит решение в ассоциациях, т.е. вычленении у разных объектов окружающего мира сходных свойств, на основе которых происходит пере-

нос по сходству или по смежности. Поскольку *квак*-утка плавает в воде, вода стала также обозначаться как *квак*-вода. Утка умеет летать, так же как и другие птицы и насекомые, следовательно, ребенок их обозначает *квак*-птица или *-насекомое*. Одним из главных свойств *квак*-воды, как и других жидкостей, является их жидкое агрегатное состояние. На основе этого сходства возникает *квак*-жидкость. *Квак*-утка, как и другие птицы, покрыта перьями. На монете изображена пернатая *квак*-птица (орёл). «Орлиная» монета похожа на все остальные монеты своей формой. Так возникает *квак*-монета (рисунок 1).

Рисунок 1. – Развитие семантики слова *квак* в речи ребенка

На схеме видно, каким образом «маскируется» звукоподражательная природа знака в онтогенезе, а, следовательно, мы имеем полное основание предполагать, что в филогенезе процесс маскировки был схожим¹. Кроме того, дети также проявляют способности к вокальной мимикрии. Услышав, как капля конденсата попала на горячую газовую конфорку и начала испаряться, ребенок (Зарина, 1 год и 7 месяцев) произнес *ных*, имитируя звук. Родители ранее это слово в общении с ребенком не использовали, поэтому внешнее влияние исключено. Далее Зарина стала отвечать *ных-ных* на вопрос «что делает кастрюля?» или «как говорит кастрюля?», имея в виду кипящую в кастрюле воду. После этого у звукоподражания *ных* появилось новое значение («пар»), когда ребенок наблюдал в ванной комнате клубы пара от горячей воды².

3. Этапы семиозиса: от симптомов к сигналам и знакам. К симптомам может быть отнесен любой произвольный нечленораздельный выкрик, являющийся реакцией на какой-либо стимул. В этом вопросе мы опираемся на результаты диссертационного исследования А.Н. Гордея, который обратил внимание на сходство языка животных и междометий [14, с. 37]. Ученый выделяет две группы междометий: эмоциональные (выражение аффектов) и императивные (выражение императивов как одной из разновидностей директивов в теории речевых актов)³. Мы согласны с мнением ученого о том, что «междометия можно рассматривать как ту стадию использования звука, которая предшествовала созданию языка», однако при этом стоит учитывать, что современный язык не произошел «исключительно из междометий», так как «с развитием мышления от аутистического к логическому на основе звукоподражания, синекдохи, распада полисемии и т.д. параллельно возникали другие лингвистические носители коммуникативной информации» [14, с. 39].

Вслед за А.Н. Гордеем, в произвольном нечленораздельном выкрике мы усматриваем предпосылку для возникновения междометий как части языковой системы. Эмоциональные междометия функционально близки аффективным сигналам животных, что выражается в их «эгоцентричности». Подобные слова служат для выражения наших эмоций и состояний и основываются на отношениях смежности, поскольку являются реакцией и не сообщают фактов об окружающем мире. Междометные выкрики являются симптомами до тех пор, пока в них не появляется коммуникативный эффект, т.е. пока говорящий не начинает намеренно их использовать для передачи сообщения другому лицу. Когда интенция прояв-

¹ В лингвистике существует мнение, согласно которому ребенок в своём языковом развитии повторяет стадии развития человеческого языка. На наш взгляд, правильную трактовку проекции биогенетического закона Геккеля – Мюллера на проблему языка дал И.Н. Горелов, который отмечал, что главным отличием процесса возникновения языка и становления его у индивида необходимо считать следующее: в филогенезе перед индивидом (или неким коллективом индивидов) стоит задача изобрести «средства выражения сконструированного в его мозгу содержания, а в онтогенезе речевой деятельности ... индивид получает уже готовый знак языка» [16, с. 27]. По мнению автора, между двумя этими случаями есть некоторая общность, заключающаяся в конструировании «некоторого содержания, которое под влиянием потребности общения становится предметом обозначения во внешнем акте звуковой речевой деятельности» [16, с. 27–28]. И.Н. Горелов считает подобную общность относительной, поскольку «давно известный тезис Э. Геккеля “онтогенез повторяет филогенез” не может быть принят буквально», и далее указывает: «Через сопоставление онто- и филогенетических данных мы пытаемся создать более или менее удовлетворительные основания для интерпретации наблюдаемых фактов и для гипотез относительно наблюдаемого» [16, с. 28]. Можно сделать следующий вывод: ребенок не проходит всех стадий становления и развития языка у древнего человека, но при этом допустимо рассматривать этапы развития речи ребенка в качестве некоторых из этапов развития человеческого языка.

² Из наблюдений за дочерью (Аскари Зарина, 04.12.2017 г.р.) в июле 2019 г.

³ Более подробно о группах междометий см. кандидатскую диссертацию А.Н. Гордея [14, с. 66–78].

ляется, иными словами, когда возникает направленность сообщения на внешний мир, симптом становится сигналом, сохраняющим при этом отношения смежности. Кроме того, как отмечал Д.О. Кудрявский, важнейшую роль в процессе перехода играет членораздельность не только речи, но и мысли [28, с. 58], способствующая формированию системы звуков и фонем. Сигналами являются также и императивные междометия, связанные с целеполаганием и волеизъявлением [14, с. 75–78], однако они возникают значительно позже эмоциональных, поскольку для них характерна коммуникативность.

Рассмотрим пример симптома и сигнала. В ситуации, когда человек прокашливается, чтобы устранить дискомфорт от длительного использования речевого аппарата, кашель является симптомом-протомеждометием. Когда лектор кашляет намеренно, в том числе произнося междометие *кхе-кхе*, чтобы успокоить расшумевшихся студентов, действия преподавателя являются сигналом, поскольку демонстрируют его недовольство ситуацией. Таким образом, междометия – сигналы-индексы, в основе которых лежит смежность (отношения типа стимул → реакция, причина → следствие).

Принципиальное отличие звукоподражаний от междометий заключается в направленности на познание действительности. Звукоподражания рисуют окружающий внешний мир, в то время как междометия передают порывы внутреннего мира как реакции на мир окружающий. Однако два этих типа семиологических объектов связаны между собой, поскольку возможны переходы междометий в звукоподражания и звукоподражаний в междометия, на что указывает А.Н. Гордей [14, с. 121–124]. Так, например, когда лексическая единица обозначает смех человека – это междометие, однако если же лексическая единица обозначает ситуацию, при которой один человек имитирует смех другого человека – это звукоподражание, поскольку второй человек выступает в качестве звучащего объекта действительности, в чем мы видим наследие вокальной мимикрии.

С развитием речевых способностей на основе вычлененных в ходе вокальной мимикрии звуковых элементов формируются звукоподражания. Это уже не просто имитация звуков, это иконический сигнал, обозначающий некую ситуацию. Человек способен донести собеседнику некоторый объем информации, заложенный в звукоподражании, однако с помощью звуков и на основе сходства происходит попытка стереотипизации акустической, оптической или иной воспринимаемой ситуации, а не конкретного индивида или его признака. Вместе с тем, значение звукоподражания весьма размыто, поэтому первые звукоподражания не могли обладать номинативностью.

Исследователи обращают внимание на ряд сходных черт у звукоподражаний в разных языках, среди которых стоит особо отметить «конкретность, картинность, близость к представлениям, а не понятиям» [29, с. 28]. Д.В. Бубрих видит причину этого в том, что они связаны с наглядно-образным мышлением, поскольку «обобщающая сила изобразительных слов чрезвычайно мала», ведь «для них нет просто ходьбы, а есть бесчисленное количество всяких способов хождения»; «нет, например, просто битья, а есть бесчисленное количество всяких способов битья»; «для них нет просто падения, а есть бесчисленное количество всяких способов падения» [30, с. 91]. Следовательно, звукоподражания выражают не понятия, а представления. В связи с этим Н.Б. Киле приводит весьма интересное наблюдение касательно таких слов: «Слова эти конкретны, однако отсюда вовсе не следует, что их значения лишены обобщенности. Все они представляют собой отвлечения от ... конкретных ... предметов, их признаков и действий» [29, с. 30]. Звукоподражания не обладают развитой способностью обозначать однородные явления по их основному признаку, но при этом они могут вызывать представление о совокупности признаков некоего явления [29, с. 30]. Конкретность русского звукоподражания *бу-бух* проявляется, во-первых, в том, что носитель не будет его использовать для описания звука ветра, во-вторых, в том, что его семантика уточняется контекстом. Обобщенность значения проявляется в объединении целого комплекса разнородных явлений, которые могут выступать в качестве источника звука: удар, взрыв, выстрел, гром и др. Таким образом, при отсутствии контекста звукоподражание как отдельное высказывание описывает некую отвлеченную ситуацию, передает некий образ, понятный человеку, не называя при этом конкретного субъекта, действия или объекта.

Возникновение номинативности связано с денатурализацией звукоподражаний. Синкретический сигнал (термин М.В. Беляева) [31, с. 83], или имитатив (термин Г.Е. Корнилова) [17, с. 60], обладающий способностью представлять как индивида, так и признака индивида, и напоминающий слова-предложения в речи детей [32, с. 84], передается из поколения в поколение [33, с. 336], вследствие чего идет постепенное движение от языка эпохи имитативов к антиимитативам [17, с. 181], т.е. происходит денатурализация семиологического объекта и переход от сигналов-индексов и иконических сигналов к протознакам с затемненной мотивировкой и произвольным знакам. По мнению Б.В. Якушкина, три семиотических этапа отражают переход от пантомимы к членораздельной речи [32, с. 133]. Так как увеличивающееся разнообразие ситуаций в жизни древнего человека требовало большего обобщения в сознании, для их описания возникла необходимость сочетания значимых звуков, которые ставились все более абстрактными, что привело к появлению членораздельных предложений [32, с. 136].

Поскольку этот процесс не дискретен, то должен быть некий переходный этап, на котором знак уже относительно произволен, но еще мотивирован. Поясним данный тезис примером. Человек слышит звук капающей воды. Он, возможно, способен точно воспроизвести данный звук, однако у него уже формируется некоторая фонологическая система праязыка. Чтобы элемент был включен в формирующуюся систему, он должен соответствовать требованиям данной системы, одним из которых является соответствие фонетическим нормам. Следовательно, древний человек с помощью имеющихся в его языке средств пытается воспроизвести звук природы. Элемент, полученный в ходе этого сложного процесса пропускания звука окружающего мира через фонологическую систему языка, в некоторой степени произволен, поскольку не является точным соответствием реальному звуку. Тем не менее, акустическая форма сигнала мотивирована звучанием некоего объекта, однако при передаче данного элемента из поколения в поколение мотивировка затемняется. Когда накапливается определенное число подобных элементов-имитативов, происходит распад синкретических сигналов на тавтологические выражения, позволяющие называть индивидов и их признаки без привязки к ситуации (*гром гремит громко*) [31, с. 83]. Так формируются правила протограмматики и части языка [2]. Кроме того, в результате формирования антиимитативов и денатурализации возникает знак, для которого характерны номинативность, внеситуативность и неопределеннозначность [10, с. 30].

Неопределеннозначность является неотъемлемым свойством не только знака, но большинства звукоподражаний. В.В. Мартынов, автор идеи *неопределеннозначности* языкового знака, обращает внимание на важный факт: «Еще Декарт отмечал, что определение значений слов избавит человечество от половины его заблуждений, а современные философы-семантисты утверждают, что ото всех. Носителю языка подобная позиция представляется излишне драматизированной, поскольку ежечасное и ежеминутное проявление неопределеннозначности языка проходит незамеченным» [10, с. 30]. В неопределеннозначности звукоподражаний кроется их образность и древность, так как за звукоподражаниями скрываются не понятия, а представления, т.е. ситуации или события. Сразу отметим, что существует ряд звукоподражаний, в частности, большинство обозначений криков животных, которые обычно однозначны вне контекста (русск. *мяу* в значении ‘звук, издаваемого кошкой’). Однако, например, перс. *جیک جیک* [jik-jik] используется для обозначения звука, издаваемого небольшой птицей (воробьем, цыпленком и т.д.), поэтому вне контекста можно установить лишь общее значение (‘звук, издаваемый небольшой птицей’). Еще более сложной задачей является определение вне контекста значения персидского звукоподражания *ببع* [ba'-ba'], которое обозначает как ‘звук, издаваемый овцой/бараном’, так и ‘звук, издаваемый индюком’ [34].

Одно звукоподражание применимо к разным ситуациям, которые могут быть объединены по определенному признаку или набору признаков. Так, для звукоподражания *бу-бух* таким признаком будет ‘неоднократный, продолжительный глухой звук’. В мире существует огромное количество звуков, которые могут быть охарактеризованы подобным набором признаков. Видимо, в период, когда у древнего человека шел интенсивный процесс познания действительности, активно формировалась и модель мира. Однако его языковые способности еще не позволяли каждому стереотипу модели мира поставить в соответствие определенный языковой знак, поскольку их число было сильно ограничено [2]. Следовательно, включались механизмы переноса по сходству или по смежности.

Допустим, что *бух-бух* (в данном случае это не русское звукоподражание) – древнее звукоподражание, возникшее вследствие попыток первобытного человека изобразить звук повторяющихся ударов деревянной палкой или камнем о твердую поверхность. Словарный запас древнего человека ограничен. Услышав раскаты грома, наш далекий предок сопоставлял их со звуком удара палки о дерево и приходил к выводу об их сходстве. Соответственно, в силу ассоциации он начинал так же называть и звуки раскатов грома (или наоборот, процесс мог начинаться с подражания грому, а лишь затем ударам палкой), т.е. происходил перенос по сходству (метафоризация). Этим иконическим сигналом обозначалась не только образная ситуация. Звукоподражание *бух-бух* являлось имитативом или синкретическим сигналом, у которого наблюдался процесс полураспада корня, отраженный в тавтологических выражениях [10, с. 152], поэтому оно могло быть субъектом или объектом (*удар, гром*), акцией (*ударять, греметь*), признаком субъекта или объекта (*громовой, ударный*), признаком акции (*громко, ударно*) и т.д. Значение такого семиологического объекта актуализируется лишь в контексте. В этом проявляется неопределеннозначность звукоподражаний не только в языке древних людей, но и в современных языках. Например, в персидском языке звукоподражания могут играть роли подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства [35, с. 19–20].

Не случайно в этимологических словарях пометки «возможно звукоподражательное/звукосимволическое» свидетельствуют о пределе для дальнейших изысканий происхождения слова. Например, персидское звукоподражание *جز و وز* [jez-o-vez] первоначально означало ‘звук обжаривания в масле’, однако в современном персидском языке стало использоваться и в значении ‘жалобная просьба, стон, плач’ [34]. Несметное число переносов по сходству и по смежности создает препятствия для поиска этимона, ведь если бы любая жидкость в языке называлась *квак* (как в примере с внуком Ч. Дарвина), то звукоподража-

ние *квак* мы бы могли восстановить только после того, как установили этап *квак*-воды и, далее, этап *квак*-утки. По такой схеме происходит переход между видами звукоподражаний: от чистого звуковыражения, т.е. членораздельного подражания звуку, через этапы звукообраза с доминированием звукового элемента и звукообраза с доминированием образного элемента к чистому звукоизображению, т.е. членораздельному подражанию процессам, движениям, световым, цветовым, статическим и иным явлениям и качествам окружающей действительности [36, с. 10–12]. В связи с этим продолжает быть актуальным мнение С.В. Воронина о том, что маскировка звукоподражательной природы слова в процессе его денатурализации является главной причиной недостаточной проработанности дескриптивных этимологий [37, с. 150–151] (т.е. звукоподражательных – звуковыразительных и звукоизобразительных).

Подытоживая вышесказанное, представим процесс развития семиологических объектов в виде схемы (рисунок 2).

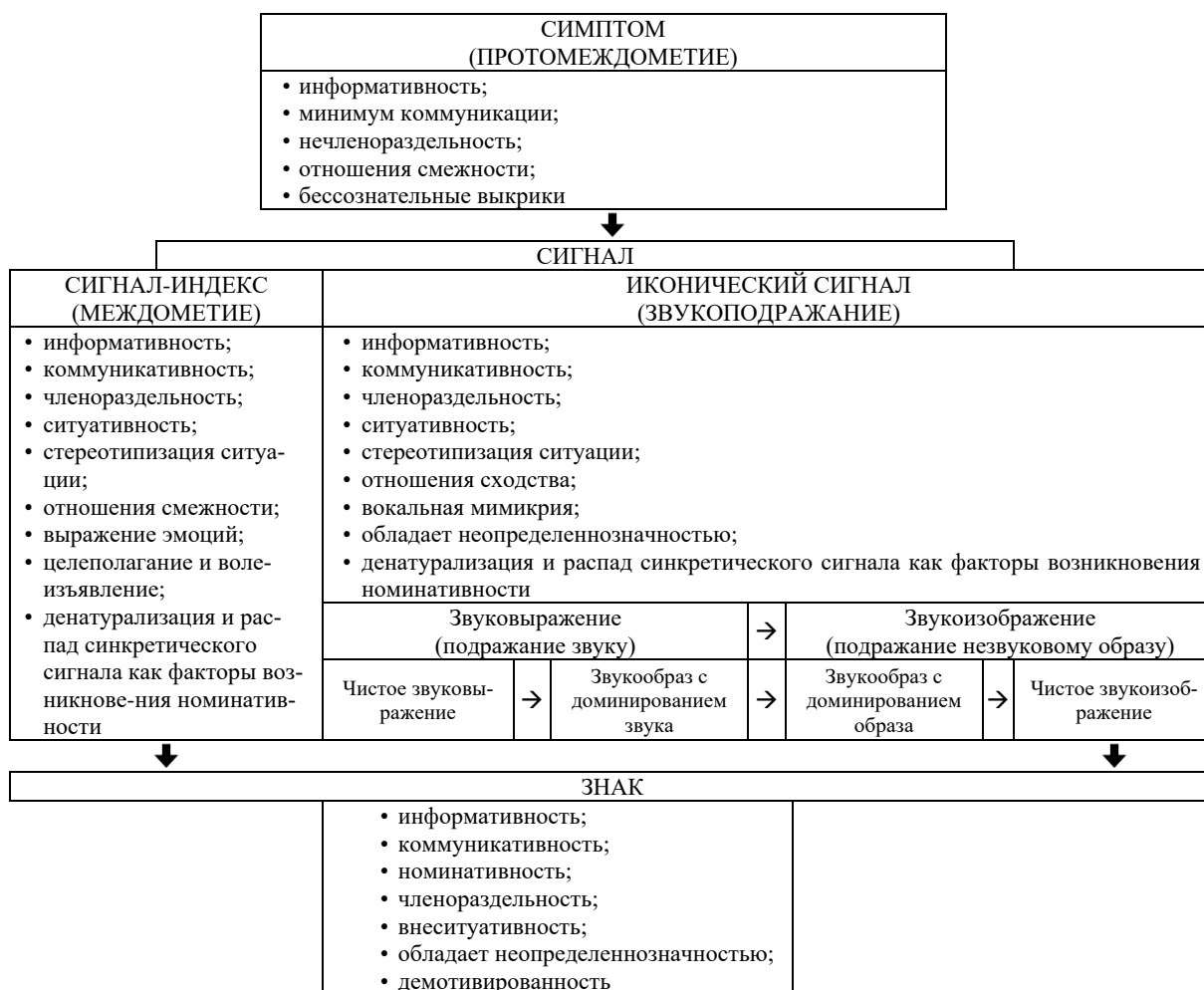

Рисунок 2. – Процесс развития семиологических объектов

Заключение. Отправной точкой для семиологических объектов естественного языка являются симптомы в виде междометных выкриков, связанные с внутренним миром человека и основывающиеся на смежности. Далее, по мере нарастания коммуникативной составляющей, возникают сигналы, основывающиеся на смежности, т.е. сигналы-индексы. Благодаря вокальной мимикрии появляются иконические сигналы, т.е. сигналы звукоподражательного типа, для которых характерны ситуативность

и отношение сходства. При этом трудно установить, что возникло раньше: сигналы-индексы как наследие симптомов или иконические сигналы как наследие вокальной мимикрии. Важнейшую роль в процессе формирования сигналов сыграла членораздельность. Вследствие распада синкретических сигналов на тавтологические выражения происходит утрата ситуативности и появляется номинативность. Возникновение антиимитативов на основе имитативов с сопутствующей этому процессу демотивацией приводит к формированию относительно произвольных знаков. Появление знаков-

антиимитативов, по всей видимости, связано, в том числе, и с переходом от чистых звуковыражений как подражаний звучащим объектам и явлениям с помощью звуков, к звукоизображениям – подражаниям незвучащим объектам и явлениям с помощью звуков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева, А. А. Знак языковой / А. А. Уфимцева // Лингвистический энцикл. сл. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 167.
2. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков [Электронный ресурс] : лекц. курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Скаличка, В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений / В. Скаличка // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / Сост. и ред. Н. А. Кондрашова. – М. : Прогресс, 1967. – С. 277–316.
4. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций : учебн. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. факультетов высш. учеб. заведений / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : «Академия», 2007. – 432 с.
5. Пирс, Ч. С. Что такое знак? / Ч. С. Пирс ; пер. с англ. А. А. Аргамаковой // Вестн. Томс. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3(7). – С. 88–95.
6. Уфимцева, А. А. Знаковые теории языка / А. А. Уфимцева // Лингвистический энцикл. сл. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 167–169.
7. Бенвенист, Э. Общая лингвистика : пер. с франц. / Э. Бенвенист ; под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
8. Греймас, А. Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика: семиотика языка и литературы : сб. ст. ; пер. с англ., франц. и исп. яз. / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 483–550.
9. Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов: С переводом, этимологией и толкованием / Н. Г. Комлев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. – 143 с.
10. Мартынов, В. В. В центре сознания человека / В. В. Мартынов. – Минск : БГУ, 2009. – 272 с.
11. де Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; пер. с франц. яз. / под ред. А. А. Холодовича. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
12. Журавлев, А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлев ; Мин-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 160 с.
13. Якобсон, Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. Якобсон // Якобсон, Р. Избранные работы : пер. с англ., нем., фр. яз. / Р. Якобсон ; Предисл. В. В. Иванова, сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1985. – С. 319–330.
14. Гордей, А. Н. Междометие как минимальная коммуникативная единица : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Н. Гордей. – Минск, 1992. – 174 с.
15. Морозов, В. П. Занимательная биоакустика / В. П. Морозов. – 2-е изд., доп., перераб. – М. : Знание, 1987. – 204 с.
16. Горелов, И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе : учеб. пособие / М-во просвещения РСФСР. Челябин. гос. пед. ин-т. – Челябинск : [Челяб. пед. ин-т], 1974. – 116 с.
17. Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке / Г. Е. Корнилов. – Чебоксары : Чуваш. книж. изд-во, 1984. – 184 с.
18. Жинкин, Н. И. Язык – речь – творчество : Исслед. по семиотике, психолингвистике, поэтике : (Избр. труды) / Н. И. Жинкин. – М. : Лабиринт, 1999. – 364 с.
19. Ашмарин, Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке / Н. И. Ашмарин. – Казань : Издание Академического центра ТНКИ, 1928. – 165 с.
20. Спиркин, А. Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления / А. Г. Спиркин // Мышление и язык / Акад. наук СССР. Ин-т философии ; под ред. Д. П. Горского. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. – С. 3–72.
21. Газов-Гинзберг, А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / А. М. Газов-Гинзберг // Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. – М. : Наука, 1965. – 183 с.
22. Германович, А. И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / А. И. Германович ; Моск. ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Симферополь, 1961. – 59 с.
23. Колева-Златева, Ж. О статусе звукоизобразительных слов в языке / Ж. Колева-Златева // Slavica : Annales Instituti Slavici Universitatis Debreceniensis. – 2008. – XXXVII. – С. 33–53.
24. Nuckolls, J. B. The Case for Sound Symbolism / J. B. Nuckolls // Annual Review of Anthropology. – 1999. – Vol. 28. – P. 225–252.

25. Kilian-Hatz, C. Universality and Diversity : Ideophones from Baka and Kхое / С. Kilian-Hatz // Ideophones / F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz (Eds.). – Amsterdam : John Benjamins Press, 2001. – P. 155–163.
26. Варламов, А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.01.09 / А. Н. Варламов ; Калм. гос. ун-т. – Элиста, 2011. – 430 с.
27. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн ; пер. с англ. яз. – Киев : Ника-центр, Эльга, 2004. – 432 с.
28. Кудрявский, Д. Н. Введение в языкознание / Д. Н. Кудрявский ; предисл. В. М. Алпатова. – Изд. 3-е, доп. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
29. Киле, Н. Б. Образные слова нанайского языка / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1973. – 189 с.
30. Бубрих, Д. В. К проблеме изобразительной речи / Д. В. Бубрих // Ученые записки Карело-Финского университета. – 1948. – Т. 3, Вып. 1. – С. 85–94.
31. Беляев, М. В. Проблема грамматики (методологические основы грамматического изучения языка) / М. В. Беляев // Ученые записки Сталинградского государственного педагогического института. – 1939. – Т. 1. – С. 71–103.
32. Якушкин, Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушкин ; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : Наука, 1984. – 137 с.
33. Бурлак, С. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы / С. Бурлак. – М. : Corpus, 2011. – 462 с.
34. واژه باب = Vajehyab [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.vajehyab.com/>. – Date of access: 28.04.2019.
35. Аскари, А. С. Морфологические, семантические и синтаксические особенности звукоподражаний персидского языка / А. С. Аскари // Вестник МГЛУ. – 2019. – №4 (101). – С. 14–21.
36. Аскари, А. С. О разграничении звукообразности и звукоподражания / А. С. Аскари // Вестник МГЛУ. – 2019. – №3 (100). – С. 7–14.
37. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – 2-е изд, стер. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 239 с.

Поступила 24.09.2019

ONOMATOPOEIAS IN THE CONTEXT OF SEMIOLOGICAL TYPOLOGIZATION

A. S. ASKARY

The article attempts to determine the place of onomatopoeias in the semiological typologization, developed by Soviet and Belarusian linguist V. V. Martynov, deals with signals-indexes, iconic signals and signs, defines transitional stages of semiosis, taking into account the information about vocal mimicry of higher animals and the role of onomatopoeias in primitive and traditional societies, studies the process of denaturalization and demotivation of signs basing on the results of researches by G. Y. Kornilov, M. V. Belyaev, A. M. Hardzei.

Keywords: *semiological typologization, iconicity, onomatopoeia, transitional stages of semiosis, V. V. Martynov.*